

Возвращение

— Вам известно, что ваше имя звучит в “Эвите” из уст Мадонны?

— Честно говоря, я пока не видела ее фильма.

— Эвита, став женой аргентинского диктатора, говорит, что хочет одеваться, как Лорен Бэколл.

— О! Насколько я помню, Эва Перон стала первой леди Аргентины в конце сороковых годов, а в тот период меня действительно знали скорее по нарядам, чем по фильмам!

— Кто из кинозвезд был вашим кумиром в юности?

— Бетт Дэвис. Мы познакомились намного позже, в 70-е годы. Я играла на Бродвее в мюзикле “Аплодисменты”, музыкальной версии фильма “Все о Еве”. Причем я играла как раз ту роль, которую в киноверсии исполняла она! Я не знала, что она пришла меня посмотреть в тот вечер, иначе не рискнула бы выйти на сцену! А после спектакля Дэвис пришла ко мне в гримерную и сказала: “Вот уж не думала, что из этого фильма получится мюзикл”.

— Вам доводилось работать с великими мужчинами-режиссерами, но с женщиной-знаменитостью вы впервые столкнулись на съемках “У зеркала два лица” — я имею в виду Барбру Стрейзанд. Правда ли, что на нью-йоркской премьере фильма она держалась особняком от остальных членов съемочной группы?

— Что за чушь! Вот уже многие годы я работаю в шоу-бизнесе и никак не привыкну к тому, что пишут и говорят журналисты. Эта империя информации в последние годы стала особенно мощной и бесцеремонной. Неважно, что сообщить, лишь бы успеть первым. Самое смешное, что в молодости я училась в колледже на факультете журналистики. Я мечтала о совершенно иной карьере, но потом появилось мое фото на обложке журнала Harper's Bazaar и моя судьба круто изменилась. Впрочем, извините, я не ответила на вопрос. Итак, премьера в Нью-Йорке. Уверая, все мы были вместе: и я, и Барбра Стрейзанд, и Джефф Бриджес и Мими Роджерс. Премьера прошла очень хорошо.

— В этом фильме вы играете не просто мать, вы играете мать Барбры Стрейзанд. Каково это было?

— Замечательно! Конечно, мне сначала было трудно ее родить... (смех), но мне очень понравилось работать с Барброй. У нас была очень хорошая съемочная группа, и наши отношения “мать-дочь” прекрасно функционировали и после того, как камера выключалась. Фильм говорит не только о красоте и возрасте, он говорит о конкретных людях — мне, Барбре, Минни. Вы знаете, в прессе всегда пишут, что Стрейзанд надменная и никого к себе не подпускает. Мне кажется, что это просто сплетни завистников. Талант всегда вызывает зависть, тем более такой, как у Барбры — она и певица, и актриса, и режиссер, и все ей удается. Зато чтобы критиковать, не нужно никакого

Она возвращалась в шоу-бизнес много раз. Спутница жизни Хэмфри Богарта, Лорен Бэколл долго жила в тени его славы. После смерти мужа в 1957 году ее несколько лет не было видно на экранах, но в 60-е годы она с триумфом вернулась к зрителям в бродвейской постановке “Цветок кактуса”; в 70-е — в фильме “Стрелок” в компании Джона Уэйна. В 90-е Бэколл снялась сначала в “Мизери” Райнера, потом у Олтмана в “Высокой моде”, а в прошлом году резко поменяла имидж и сочно сыграла “еврейскую мамочку” в фильме Барбры Стрейзанд “У зеркала два лица”. За этот фильм Лорен Бэколл впервые за 50-летнюю актерскую карьеру была удостоена премии “Золотой глобус” и премию Гильдии американских киноактеров. Эта награда — верный признак того, что через несколько недель Лорен Бэколл получит Оскара. Наши зрители могли недавно видеть эту актрису в фильме “Убийство в Восточном экспрессе”.

Лорен Бэколл: “Не считать года!”

Сьюзен ХОУАРД

умнее и добрее, но зачастую происходит наоборот: с годами они все злее и противнее. Время необратимо, у нас нет выбора, и поэтому единственный способ с этим справиться — не считать года. Вообще-то это, наверное, просто, но только не в Америке. У нас почему-то принято после фамилии знаменитости обязательно писать ее возраст. Это несправедливо, невежливо, неэlegantно, в конце концов!

— Сильно ли изменился шоу-бизнес за эти годы?

— Все стало дороже. Я понимаю, что вас интересуют более глубинные тенденции, но это первое, что приходит в голову. Все стало безумно дорого, а гонорары у актеров поднялись на астрономические высоты. А в остальном... вроде бы все то же, что и прежде. Раньше женщина к 40 тоже должна была выглядеть на 25, иначе ей нельзя было найти работу. Но и здесь есть выход: нужно бежать из Голливуда, отсутствовать несколько лет, чтобы тебя сочли умершей, а потом вернуться, и все решат, что ты воскресла! Годы, когда Богарт был жив и мы жили в Калифорнии, были для меня самой счастливой порой в жизни, хотя моя актерская карьера шла отвратительно. Мне никогда не давали приличных ролей в фильмах без Богарта. Поэтому редкие успехи у меня чередовались с громкими провалами. После смерти Ботти я снялась в нескольких фильмах, а потом уехала в Нью-Йорк, где жила моя мать, мои друзья. Там были мои корни, там я снова вернулась к моей первой большой любви — театру. Мне повезло получить роль в “Цветке кактуса”, который стал невероятным хитом. Я играла в этой пьесе два года и не пропустила ни одного вечера! Но в Голливуде меня по-прежнему считали покойницей. Потом я сыграла на сцене в “Аплодисментах”, музыкальной версии фильма “Все о Еве”, и поняла, что всю жизнь только об одном и мечтала — петь и танцевать. Как жаль, что я поздно это поняла! А сегодня, через сорок лет, обо мне снова вспомнил Голливуд. Наверное, они глазам своим не поверили — неужели это та самая актриса, которую они много лет назад “похоронили”?

ЛОС-АНДЖЕЛЕС

таланта. Я сама много от этого страдала. Когда я снялась в моем первом фильме “Иметь и не иметь” в 1945 году, критики пели мне дифирамбы: “Эта новая актриса — комбинация Дитриха, Гарбо, Мэй Уэст, Бетт Дэвис и Кэтрин Хэпберн”. Мне было всего 19 лет, у меня кружилась голова от этих восторгов! А когда я снялась в следующем фильме “Глубокий сон” у того же режиссера, Хоуарда Хоукса, они заявили: “Нет, мы ошиблись, она бездарная, пустая девица”. Такое отношение очень типично для прессы, журналисты любят сначала возносить на пьедестал, а потом сбрасывать оттуда. Если у вас есть силы, вы стараетесь подняться и потихоньку начинаете снова взбираться на холм.

— За 50 лет вашей кинокарьеры вам ни разу не хотелось бросить это ремесло из-за бесчинств прессы?

— Пятьдесят? О да, действительно. Если журналисты критикуют вашу работу, это нормально, даже если и огорчает. В конце концов, таковы правила игры. Но когда таблоиды начинают лезть вам в душу — это ужасно.

— Вам никогда не хотелось пойти по стопам Барб-

ры Стрейзанд и стать режиссером?

— Боже упаси, нет! Слишком много работы, слишком много ответственности. Нет, я не боюсь работы и ответственности, но нужно слишком многое держать под контролем, знать вещи из разных областей. Например, я ничего не знаю о правильном освещении, о движении камеры. Конечно, я сама виновата — снималась у великих режиссеров, и ничего не знаю о том, как делается кино. Наверное, для постановщицы я слишком глупа (смех). Единственная область, в которой я себя уютно чувствую, — это сочинительство, но я не написала ничего, кроме мемуаров. Мой сын Стив тоже недавно выпустил книгу об отце, которого он почти не знал. Хэмфри умер, когда Стиву было 8 лет. А потом всю жизнь Стива спрашивали, каким был его отец. Сегодня он смог дать ответ на этот вопрос, и это помогло ему разобраться в себе.

— Ваша героиня в фильме “У зеркала две стороны” с трудом смиряется с годами.

— Моя героиня — да, а я — нет! (смех). Жизнь устроена несправедливо: с годами люди должны становиться